

Игорь Щепёткин

Под
куполом
Римана

сборник рассказов

Игорь Щепёткин
Под куполом Римана

«Издательство «Союз писателей»

2018–2021

УДК 82-32
ББК 94.4

Щепёткин И. А.

Под куполом Римана / И. А. Щепёткин — «Издательство «Союз писателей», 2018–2021

ISBN 978-5-00143-561-7

Эта книга – ниточка между поколениями. Между миром за окном и тем, что был реальностью ещё несколько десятилетий назад. На страницах оживают картины прошлого, радуются и грустят герои. Они могут стать читателю родными, ведь в них запечатлены знакомые с детства образы. Их истории разворачиваются на фоне живописной природы, среди невысоких домиков на берегу Оби, там, где кронами шумят деревья, переговариваются травинки, склоняясь друг к другу под дуновением ветерка, поют птицы. Создатель рассказов слышит и видит одновременно то, что есть, и то, что было. И то, и другое реально для него, как и для человека, уставшего от шума и суеты, мечтающего о душевном уюте и тишине, о живых, тёплых днях в родном крае, где нет стекла, бетона и призрачных иллюзий навязанного успеха. Всё это – здесь, на страницах сборника. Мир, который помнит сердце.

УДК 82-32
ББК 94.4

ISBN 978-5-00143-561-7

© Щепёткин И. А., 2018–2021
© «Издательство «Союз писателей», 2018–2021

Содержание

Предисловие	6
Медвежий мыс	9
На Старой Ачинской	18
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Игорь Щепёткин

Под куполом Римана. Сборник рассказов

*Моим детям
Веронике,
Александру,
Артёму*

© Щепёткин И., текст, 2018-2021
© Гойзман Л., иллюстрации и вёрстка, 2020-2021
© Издательство «Союз писателей», издание, 2021

Предисловие

Невидимые нити

Как обозначить параметры жанра, в котором работает Игорь Щепёткин? Или даже не параметры – вдаваться в учёную лексику нет охоты, равно как и оценивать его прозу в терминах литературоведения. Тут главное – палитра и тональность. Цвет и звук. Даже если не сразу видишь и слышишь.

Негромкая это проза. Её компоненты (если снова подводить интеллектуальную базу, что неблагоприятное дело, когда речь о литературе): философия, этнография, ностальгия. А если по-простому: читая, видишь лес, болота, великую сибирскую реку. Чувствуешь запах: старого деревянного дома, двора (утраченные ныне понятия!), запах травы во дворе, печи в доме... Так редко словом можно передать это. Здесь получилось.

Автор сумел запомнить. Не памятью ума. Донести не информацию – чувство. Ощущение, близкое к осязанию.

Это не дифирамбы. О минусах – после. Это свидетельство современника и земляка. Я из того же города, из тех же деревянных домов и дворов Томска, из детства на берегу Оби. И могу сказать: всё достоверно!

И весенние ручьи, по которым пускали кораблики-щепки. И самоцветы-стёклышки, что становились кладами-схронами. Мыльные пузыри, бумажные голуби, которых бросали вниз с высоты двух этажей и сосредоточенно следили за их полётом.

...Не придумаете нового, вспомните прежнюю формулировку: сплетение крон и корней.

Кроны для Игоря Щепёткина – те, что выросли из корней и переплелись. И вот особенность его прозы: не корни переплелись, а кроны!

Что для автора память? Сначала детали, они выписаны с необычайной зоркостью. Потом ненавязчиво, с большой деликатностью – о бабушке, отце, друзьях детства. Сплелось. Переплелось. От земли к мысли. Даже не к осознанию – ощущению высшего.

Автор склонен к редкому симбиозу несовместного. Совместимо всё лишь в его голове. И душе.

...Возможно, преувеличиваю. Мне кажется, читателей такой прозы найдётся мало, и то в нашем поколении, не знавшем гаджетов и любившем бродить по лесам и болотам. Ведь именно нам так хочется видеть, каким когда-то был наш деревянный город, нынче урбанизированный донельзя.

А был – душевным. Тёплым. Без пластика и бетона.

...Обещала сказать о минусах. Игорь склонен к монологичности. Он не эгоцентричен, нет: сочувственным теплом окрашены персонажи. Но живут они в призме воспроизведения автора.

По касательной.

А надо ли требовать литературного пилотажа, какой мало кому удавался из профессионалов? Не стоит забывать: автор прежде всего учёный. Иногда язык науки вмешивается в язык литературы. Анализ, не синтез.

Мне, бывшему журналисту, захотелось взять у него интервью. 9 утра по томскому времени. Который час в штате Монтана? Вопрос был один:

– Игорь, ты начал писать прозу на склоне лет. Что стало импульсом?

– Не знаю, что может быть полезным с моей стороны импульсом в сторону родного города и этой книжки...

Если понимать буквально, то чувствую, что произошёл надлом (или перелом...) в восприятии мира после переезда из «деревянного окружения» (С. Ачинская) в микрорайон бетонных пятиэтажек (отсюда появилась фраза в предпоследнем рассказе «Под куполом Римана»: «Жизнь может зародиться только в иррациональном пространстве»). Хотя старый двор не был совсем уж деревенским, но всё равно последствие переезда сравнимо с тем, что показал Валентин Распутин в «Прощании с Матёрой»: представители старого поколения, которые перебрались из бараков, все сидели на лавочках перед подъездом (сейчас этого уже не увидишь); копали погреб под картошку, где только можно, вокруг пятиэтажек. Это потом уже стали строить во дворах погреба коммунальные... Не могли представить себе, как жить без погреба...

Если говорить о том, что меня подвигло к написанию рассказов, то сначала я хотел запечатлеть на бумаге историю для себя и близких, но это показалось скучным. Было несколько одновременных совпадений: твоя книжка «Провожая сентябрь», Саши Соколова – «Школа для дураков» (случайно приобрёл в Томске), попытка подвести итог жизни (начиная с детства). Потом, когда стал показывать написанное друзьям и знакомым, народу понравилось. Так что пошёл дальше, но в сторону, ближе к природе – это «Медвежий мыс» (Каргасок на языке селькупов – «медвежий мыс»), где жила папина мама. Понял, что важной для меня подпиткой является чтение настоящей литературы. Поэтому, когда принимался писать что-то, хаотично читал разные книги в поисках дополнительных импульсов. Так, начало рассказа «Медвежий мыс» написано под влиянием «Воспитания чувств» Флобера. Затем стал искать связки, стержень. Связкой оказалась бабушкина притча про щекотку. Посмотрел специальную этнографическую статью об этом. То есть уже стал работать с материалами специально под рассказы. Подобный подход использовал в «Золотой пыли». Хотя рассказ псевдоисторический, но выдумкой в нём является лишь находка документа. История с шерифом – реальная, существуют документы, подтверждающие его невиновность (прочитал книжку на английском об этом). Собственно, в рассказе можно найти параллель с событиями 2020 года в США (обвинением полицейского в убийстве чернокожего). Научная часть рассказа основана на описании установки, разработанной в Томске (она функционировала только применительно к мышам; хотя, на мой взгляд, её адаптация для мониторинга насекомых технически возможна).

Что касается «Прогулки», то в Томске мне приснился сон про метеорит, который я увидел падающим, а потом поднял... Это показалось мне знаком и захотелось отразить в своей истории. В тот момент в руки взял (случайно ли?) книгу с рассказами и повестями Кафки и не мог оторваться от его «Описания одной борьбы». Перечитал, наверное, раз 20... Для меня это его лучшее произведение.

Мне кажется, что важным в моих творческих поисках является то обстоятельство, что я живу за границей. Для меня это как возвращение в родной город, на Родину.

...Вот они, эти книги, пока не ставшие электронными и звуковыми, их можно ещё перелистать. Как память. Её листаешь медленно... таково свойство прозы Игоря Щепёткина.

Мистика здесь – совмещение времени и чувства. Связь времён не распалась, а совместилась в сознании человека. То юмором. То драмой. Но всегда глубина. Как купол, обращённый вниз – отражением верха... Или наоборот.

И неизменно по прочтении остаётся свет.

Вот что главное.

Ольга Блинова,
член Союза писателей России

Медвежий мыс

*Кто же ты сам? Не знаешь.
Только узнаешь потом, нанизывая бусинки
памяти.
Состоя из них. Ты весь память будешь.
Самое дорогое, самое злое и вечное...*

Саша Соколов

Широко разлилась река. Течёт неторопливо, пособляет нашему пароходу плыть на север. Я вышел из каюты, тотчас ощутив силу встречного ветра. Вцепился в бортовые поручни, почувствовал, как они дрожат от внутренней вибрации парохода. Волнение и трепет охватили меня. Поручни – на уровне подбородка. Задираю голову – на верхней палубе ходовая рубка с огромными окнами. В рубке – усатый штурман, крутит рулевое колесо, направляет судно по фарватеру, ориентируется на створы. Их контуры, словно перья гигантской птицы, еле различимы на далёких берегах.

Стою на верхней палубе рядом с бабушкой. Она щурится, глядя вдаль, замечает рыбака на песчаной отмели, улыбка озаряет лицо. Бабушка приезжала к нам на новоселье в новый благоустроенный дом. Теперь мы едем к ней в посёлок.

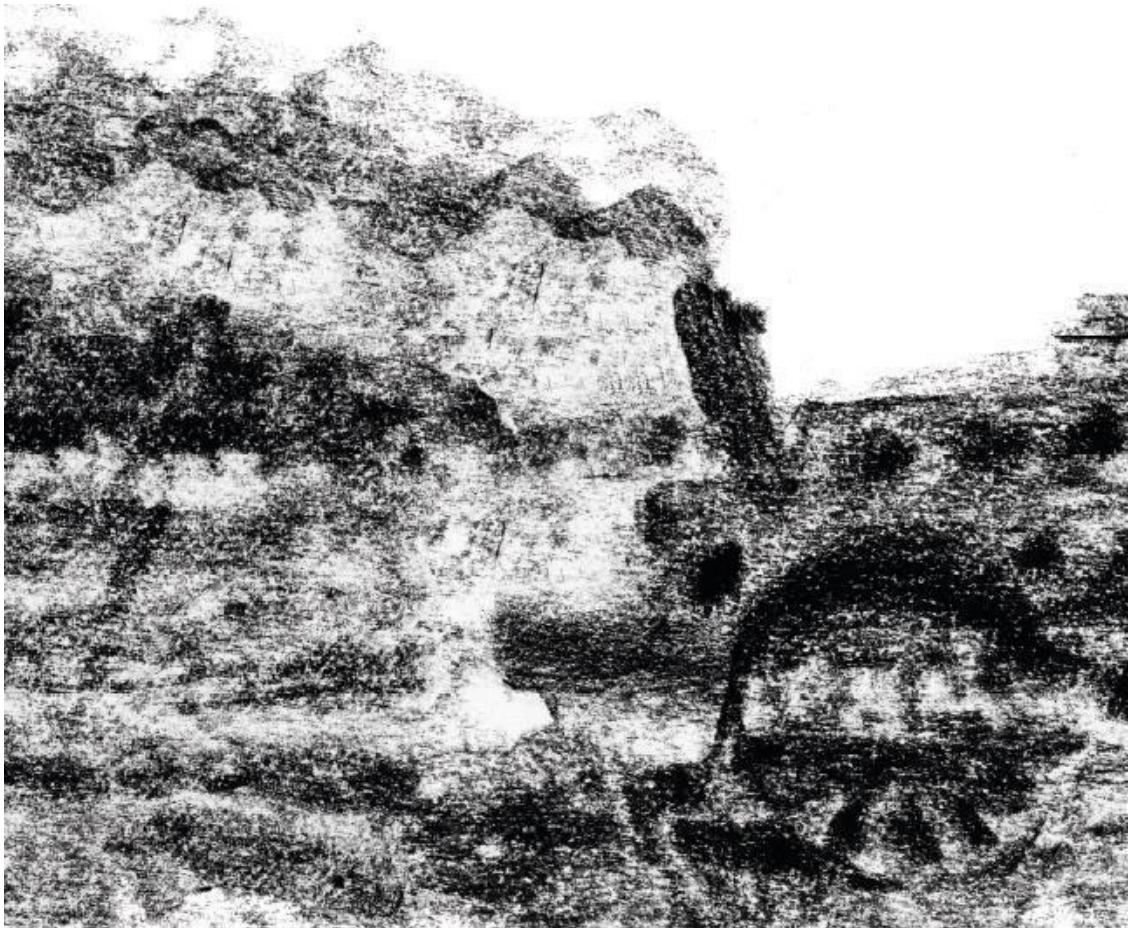
Подходит папа, приглашает спуститься на нижнюю палубу, осмотреть машинное отделение. Я обрадовался, что смогу увидеть там кочегара, следуя вниз по узкой лестнице. Здесь такой грохот, что трудно говорить. Размахивая руками, папа выкрикивает что-то, указывает на части трясущегося механизма, пытается объяснить, как это работает. В углу стоит старый, давно забытый зонтик. Но кочегара нигде нет.

У выхода старший механик рассмеялся: «Мы уже в космос летаем, а ты всё кочегара ищешь».

Разочарованный, возвращаюсь наверх.

Половодье. Почти до горизонта – сплошная водная гладь. Навигация в самом разгаре. Тупорылые толкачи упорно ведут против течения гружённые лесом баржи. Иногда Обь пересекают юркие моторные лодки. «На родину плывём», – держа полусогнутую ладонь чуть выше густых чёрных бровей, говорит бабушка.

Мне не терпится узнать, как выглядит родина. От нечего делать прохожу по коридору мимо нашей каюты, чуть не сталкиваюсь с двумя рыболовами в прорезиненных комбинезонах и броднях. За поворотом на скамейке сидит девушка, что-то вышивает на рогожке, на плечи накинута шаль с лиловыми полосами. Из соседней каюты слышится колыбельная.

Тем временем пароход идёт дальше, изредка выпуская клубы дыма. За кормой, поднимая водяную пыль, плещет тёмный вал, вслед лентой тянутся волны, переходят в мерцающую рябь.

На следующий день пароход, издав протяжный гудок, причалил к пристани Медвежий мыс. На дебаркадере нас встретил дядя, поцеловал бабушку, крепко обнял её и меня, забрал из рук чемоданы. Но стоило мне сойти на берег, как все последующие события слились и не оставили особенных воспоминаний. Таково свойство детской памяти.

А впрочем, нет! Я ошибся. Припоминаю одну историю, которую бабушка часто рассказывала в тот год. Родители оставили сына с младшей дочерью дома одних. Девочка плакала, а мальчик, чтобы успокоить, стал её щекотать и так долго делал это, что она умерла. Пришли мама с папой домой, а мальчик им говорит: «Маленькая Щекоточка под лавочкой лежит». В конце рассказа бабушка принималась меня щекотать, и я убежал.

Через несколько лет во время школьных каникул я снова приехал с родителями к бабушке. Она сильно болела, и это лето могло стать для неё последним.

В один из таких дней после завтрака с блинами и щучьей икрой я вышел из бабушкиного дома. По двору сновали куры, на заборе сушились рыболовные сети, мешки из рогожи. В тени навеса отец возился с лодочным мотором. Его промасленные руки извлекали из внутренности разные части, раскладывали на днище перевёрнутой плоскодонки. Заметив меня, он принялся называть детали и пояснил: «Вот, карбюратор собираюсь прочистить». Папа всегда хотел, чтобы я стал инженером. Киваю, будто мне всё ясно. На самом деле меня привлекают прожилки липкой смолы на шершавом боку лодки.

Тут объявился двоюродный брат Лёнька, похвастался самокатом. Его руль и платформа были из сосновых досок, вместо колёс – огромные стальные подшипники на деревянных осях. Лёнька поставил это чудо техники на выстланный плахами тротуар и оттолкнулся левой ногой. Проехав несколько метров, оттолкнулся снова, но прокатиться так и не предложил.

Я позавидовал способностям брата и вернулся в дом. На подоконнике рядом с алой геранью отыскал альбом для рисования и цветные карандаши. Положив за пазуху, направился к пристани.

Шёл по набережной мимо вытянутых из воды моторных лодок, вдыхал полной грудью сырость реки, наслаждался запахом бензина. Кое-где под ногами блестела рыба чешуя. Остановившись у самой кромки, я слушал, как вода елозит мелкие камни в набегающих волнах.

Меж песчаных дюн возвышался ржавый остов катера. Я присел поодаль на огромный корень, очевидно вынесенный сюда весенним разливом. Вынул альбом, начал рисовать это заросшее лебедой брошенное судно. «Когда-то оно бороздило реку, перевозило людей, грузы», – думал я и настолько был занят этюдом, что не сразу заметил девушку в синем купальнике. Она сидела под зонтом, всматриваясь вдаль. Ступни её ног были замысловато перекрещены и отбрасывали тень, похожую на хвост русалки... Карандаш в руке невольно задрожал – так из дремотной бесформенности родился новый образ.

К утру следующего дня лодочный мотор был установлен на старую лодку-плоскодонку. Папа облачился в комбинезон и бродни. Каким-то хитрым узлом привязал на короткой верёвке лодку-долблёнку – облас. Мы отчалили, неспешно поплыли на другую сторону Оби. Ровное пыхтение мотора смешивалось с туманом над спящей рекой.

Минут через двадцать в серебристой дымке показался берег. Сбиваясь с такта, мотор затарахтел медленнее, фыркнул и замер. Лодка уткнулась в песчаную отмель. Бросили якорь, перенесли в облас маленький невод – бредень. Ещё метров сто до самой курьи волоком по мокрой траве протащили облас и спустили на воду. Ловко загребая веслом, папа отплыл и принялся выбирать с днища бредень так, чтобы грузила тонули с одной стороны, а берестяные поплавки ложились на воду с другой.

Я остался на суше удерживать свободный конец невода. Сквозь редкие облака веером пробивались ангельские лучи солнца, а в их сиянии роем вились свирепые слепни. Они кружили и жалили. Слёзы наполнили глаза, но я радовался, что отец не видит моего горя.

Вскоре невод был погружён в воду. Тяжело загребая веслом, папа сделал дугу по довольно широкой в этом месте старице. Расправив до паха болотные сапоги, шагнул в воду и, ступая по топкому илистому дну, выволок облас на мыс. Потом мы с трудом вытягивали грузный бредень и складывали спиралью на земле.

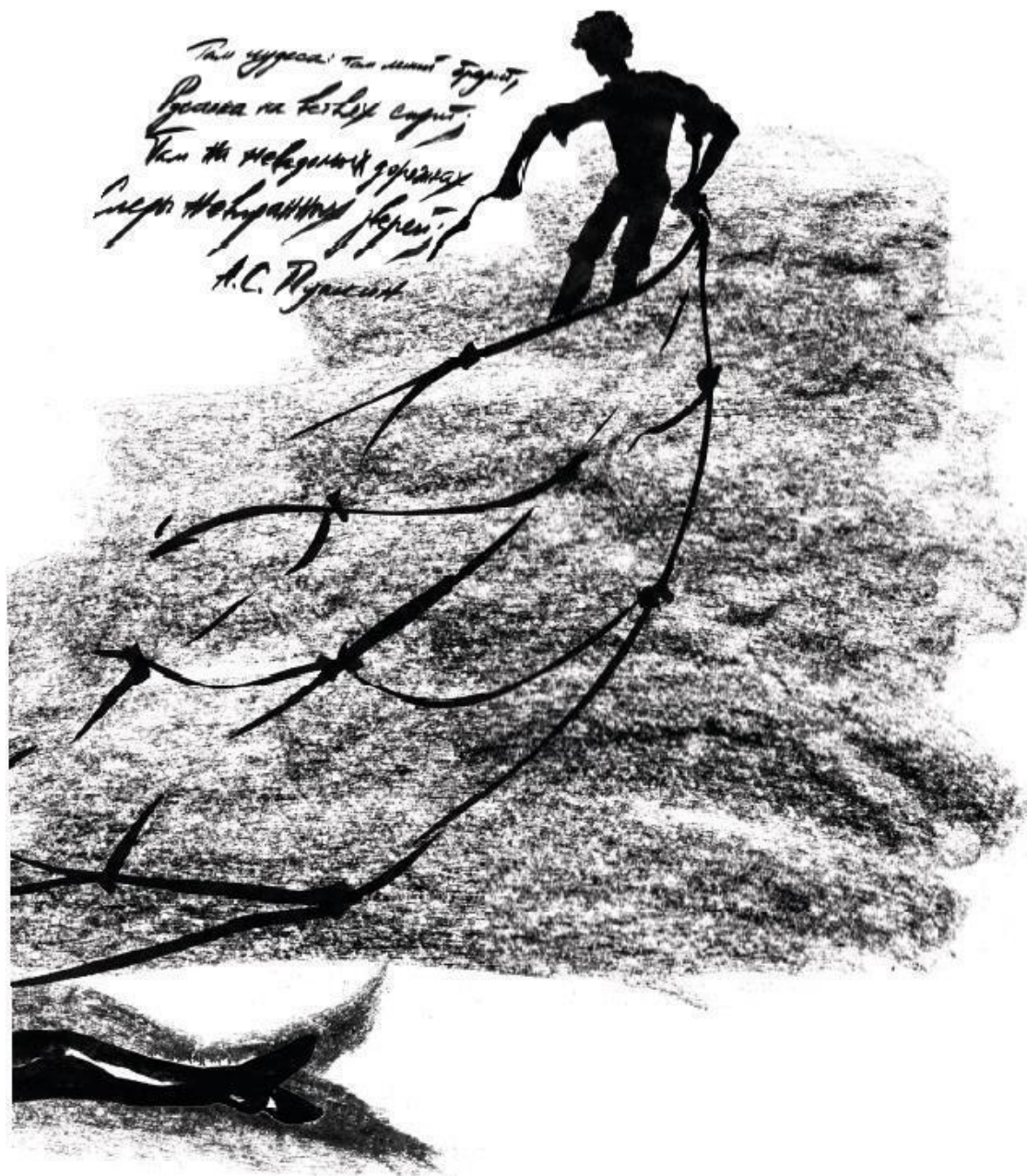
Петля невода неумолимо сужалась. Вдруг меж поплавок началось волнение. Папа снова вошёл в воду, стал выпутывать из сети пойманный улов и бросать его в осоку.

Рыбы бешено били хвостами по береговой траве, жадно хватали воздух трепещущими жабрами. В азарте я подбирал извивающиеся тела, кидал в мешок, из которого не успел выветриться запах прежнего улова.

Наконец работа была сделана. Я разделся догола и брассом поплыл наискось через курью в заросли жёлтых кувшинок, где почувствовал ласковое прикосновение их длинных стеблей.

На обратном пути папа рассказывал, как они жили в посёлке во время войны: «Отца забрали на фронт. Вскоре пришла похоронка... В те трудные годы рыба была основной пищей, из рыбьих костей мололи муку и пекли из неё лепёшки».

В один из июльских дней ещё до рассвета в этой же плоскодонке мы отправились на сенокос в устье ближайшей протоки. На берегах когда-то судоходной реки жили первые поселенцы – остяки-самоеды. Потом река обмелела – говорят, из-за вырубки леса. Дома стали строить на Оби, в нескольких вёрстах отсюда – так появился другой посёлок. А на просёлочной дороге, соединяющей новый и старый районы, нередко можно было встретить медведя. Сейчас в пойме протоки – заливные луга, хорошее место для сенокоса.

Немного погодя на телеге подъехала родня. Похлопывая рыжую кобылу по шее, мама с гордостью промолвила: «Сама запрягла, только попросила супонь затянуть». Дядя молча подточил оселком лезвие литовок, настроил рукоятки. Расставил косцов, пояснил мне, как правильно держать косу.

Я пристроился в самом конце, позади Лёньки. Поначалу коса втыкалась в землю. Пучком травы приходилось протирать лезвие. После нескольких прогонов стало получаться лучше, я уже не отставал от Лёньки. А во время коротких передышек интересовался у тёти названиями и свойствами скошенных трав.

Вот я снова остановился, опёрся о ручку косы, прислушался: стрекочет, стрекочет кузнечик над покосным лугом «тр-р-р-р, тр-р-р-р». Звенит в ушах от его стрекотания.

Так проводил я каникулы в этой чудной местности – на рыбалке, сенокосе, на пристани или просто витал в облаках.

Бабушка была всё в том же состоянии – не хуже и не лучше. Но после Ильина дня наступил кризис. Из её комнаты раздавались протяжные стоны, было страшно смотреть в приоткрытую дверь. Не зная, куда себя девать, я взял в сарае велосипед и поехал по ухабистой дороге через всю деревню, то и дело объезжая пульсирующие навозные кучи и полные мутной воды лужи.

Велосипед часто позвякивал всей своей конструкцией. Дорога вела к кладбищу, затем спускалась изгибаясь и тянулась вдоль пади.

Бросив велик на краю болота, я пошёл наугад по упругому торфянику, срывая на ходу незрелые ягоды морошки.

У одной из болотных кочек прилёг и принялся её внимательно рассматривать в надежде найти интересные образцы для гербария. Сегодня мне повезло: на одной из кочек, среди сизой травы разглядел насекомоядную росянку. Осторожно придавив комара на запястье, положил его в центр листка, наблюдая, как железистые волоски охватывают наполненное моей кровью брюшко насекомого.

Заворожённый исследованием, не заметил, как тень накрыла болото, будто громадная птица взмахнула крылом. Из облака посыпались мелкие брызги. Забыв о пополнении гербария, торопливо направился к дороге. Еле отыскал в зарослях багульника велик и, ведя его за руль, поднялся на пригорок, откуда открывалась панорама на Медвежий мыс. За посёлком в дымке широкой лентой текла река.

Меж тем мрачная туча у горизонта поглотила солнце, прогремел гром...

Вернулся я уже в сумерках, запыханный и уставший. Поставил велосипед в сарай, отёр лицо и вошёл в дом. Переступив высокий порог, почувствовал – случилось непоправимое.

В прихожей на большое зеркало была накинута простынь, в комнатах горел приглушённый свет. На подоконнике рядом с геранью тускло сияла лампада. В проёме двери в бабушкину комнату стоял растерянный отец. Скаля крепкие белые зубы, коротко спросил: «Ты где был?». Помедлив, он качнулся в сторону, и я увидел, что две соседские женщины при свечах обмывают бабушку. Её бледное тело неподвижно возвышалось на лавке. Одна женщина поддерживала её за подмышки, другая лила воду из ковша.

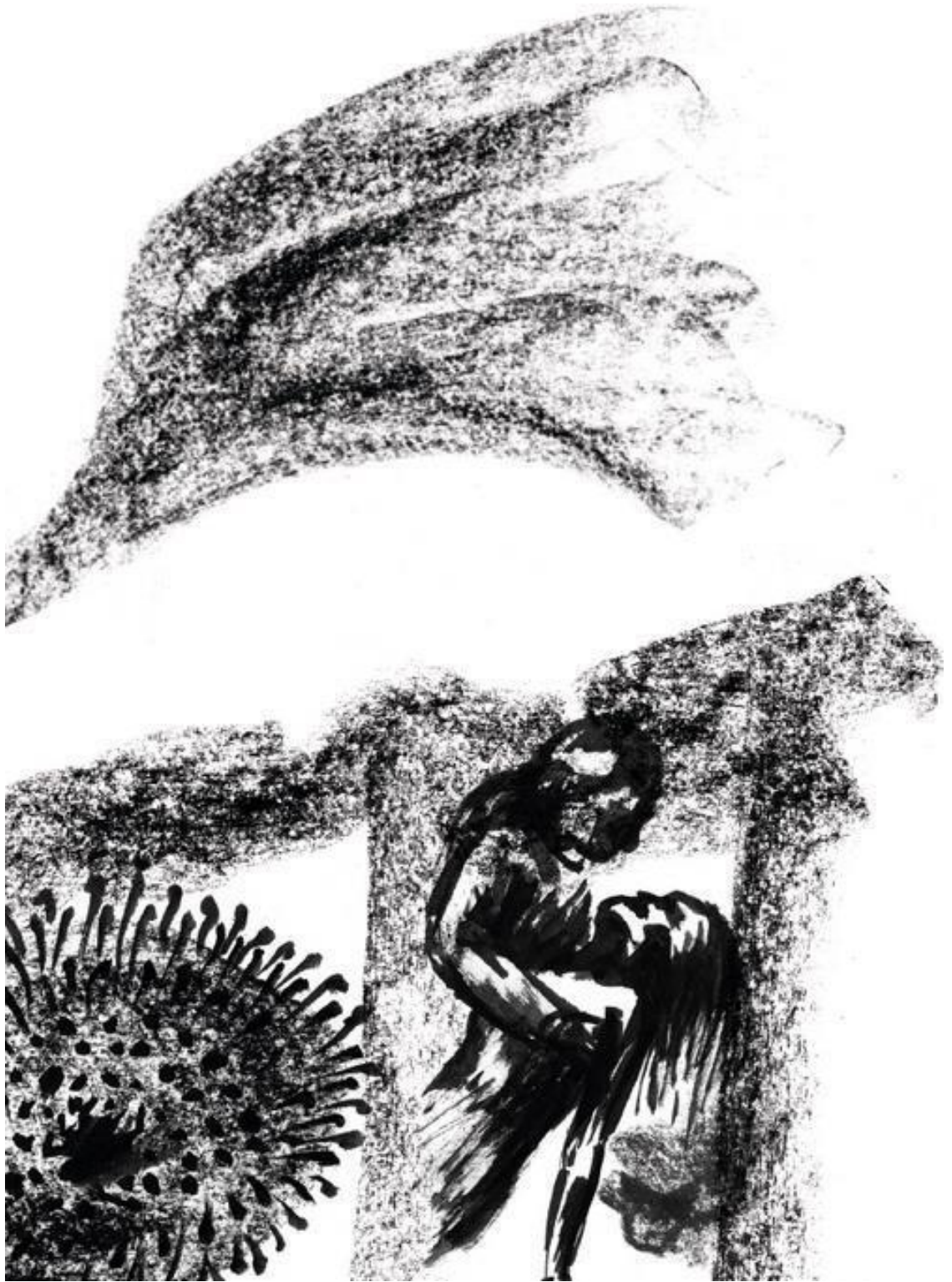
В ту ночь я долго не мог уснуть. Вспоминал странную бабушкину историю про маленькую Щекоточку. Потом приснилось, будто кто-то меня щекочет.

Через две недели на теплоходе «Ракета» мы с мамой возвращались домой по низкой воде. Папа остался в посёлке до осени. За окном мелькали острова, крутые берега, селения, приземистые домики с сеновалами. Кто-то сидел на обрыве над рекой... В середине пути наш теплоход на подводных крыльях наскочил на бревно и от сильного удара чуть не перевернулся. Бревно застряло под одним из крыльев. Мама достала из сумочки таблетку валидола, положила под язык. Штурман и капитан, вооружившись баграми, с трудом освободили крыло от злополучного бревна. Нырнул механик в водолажном костюме, обследовал обшивку – оказалась неповреждённой. Помаленьку мы доплыли до города.

В сентябре начались классы. На уроке литературы на дом дали задание написать сочинение «Как я провёл лето».

Я брёл из школы понуро, ветер гнал навстречу жёлтые листья. Дома закрылся в комнате, весь вечер просидел над черновой тетрадью, но не написал ни строчки. Ночью у меня поднялась температура. Я долго болел, а когда выздоровел, про задание учительница не спросила. Но события тех лет продолжают беспокоить, ненаписанное сочинение осталось в памяти. Мысленно брожу в фарватере воспоминаний. Смотрю в минувшее, как в то зеркало, с которого сброшен покров.

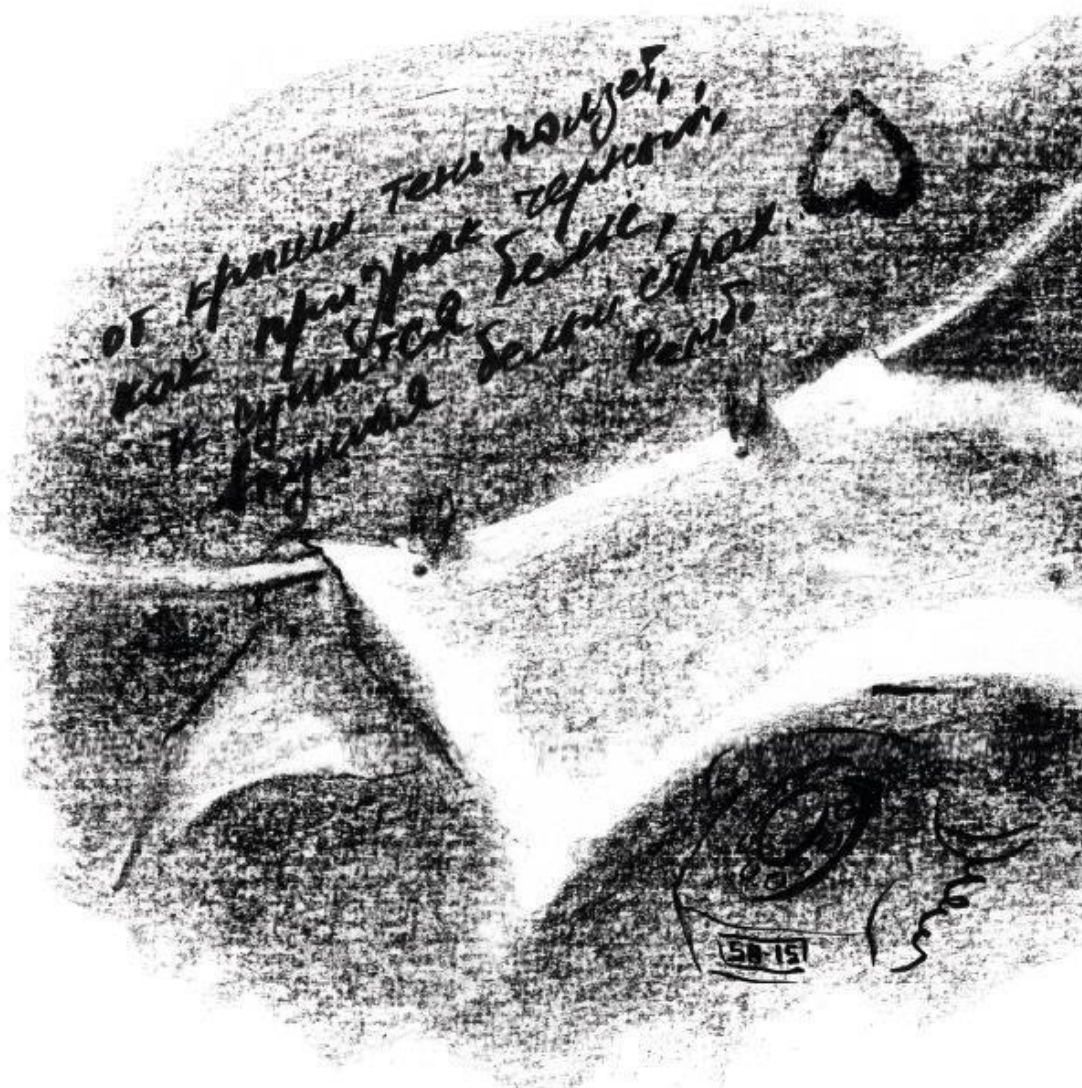

Передо мной узкий лист бумаги. Я перекрутил его, склеил концы – получилась лента Мёбиуса. Потом откинулся на поскрипывающем стуле, устало наморщил лоб, бросил взгляд на угол соседнего дома. В комнате душно. Сорвав ноготь о шпингалет, открыл дверь на балкон, переступил порог, вцепился в крашеное дерево перил... В углу на старой тумбочке в накрытой марлей стеклянной пятилитровой банке сидит кузнечик и стрекочет на всю улицу. Его колено кажется огромным под увеличительным стеклом кривизны банки. Осторожно приподнимаю край марли и бросаю крохотный кусочек корма. Стрекотание кузнечика многократно отражается стенами панельных домов. Как обрывок сна, с порывом ветра в комнату влетает былинка.

На Старой Ачинской

*Я выучил алфавит и немного читаю по слогам,
а ты уже знаешь другого мира код.
Прошлым летом я оказался в этом мире случайно
во время стихии. Умытый солёным потом,
выбрался на берег после кораблекрушения.
Агония предков осталась в моей памяти.
Боль прошла.
Начиная от разбитого корабля,
решил измерить длину побережья и попал в мир
фракталов.
Я шёл через их заросли и сломал один отросток.
Из обломка-культы пошла кровь. Это было
убийство.
Картина мира мгновенно изменилась,
и я увидел женщин и дикие пляски.
Потом было тепло твоих рук. Я обнимал твоё
тело,
наслаждаясь танцем, и думал о любви.
Мистика ли это или магическая завеса, плотная в
одном
месте и совершенно прозрачная в другом?
Многokrатно отражённый огонь солнца освещает
дорогу
Я иду, вдыхая унисекс-ароматы.*

С чего начать? Всё равно, в саду или в огороде, в овраге или во рву Миланской крепости, у водозаборной или водоразборной колонки с заледеневшими потёками (не помню, чтобы эти наледи когда-либо посыпались песком) на перекрёстке Старо-Ачинской улицы и Школьного переулка. Добавлю, что однажды, когда соседские ребята наливали воду, из её Г-образного «хобота» в ведро выплеснулась несчастная рыбка – очевидно, вода в колонку поступала прямо из реки.

Мой дед набирает два ведра ледяной воды и несёт их на поскрипывающем коромысле. Путь неблизкий, а потом ещё дед по лестнице поднимается на второй этаж деревянного дома. Там, в сенях нашего жилища, есть бочка для питьевой воды. Здесь же, возле кадки с квашеной капустой и кованого полупустого сундука, распространяющего застарелый запах нафталина, зимой хранятся дрова. В прихожей (она же кухня) у порога за косяком висит рукомойник, под ним – помойное ведро. Центр кухни занимает печь, а по периметру – стол, кровать и самодельная лавка. На лавке тоже можно спать. Над кухонным столом – картина Крамского «Неизвестная».

Печь и дверной проём отделяют кухню от единственной жилой комнаты. Прямо за печью – кровать, а вдоль смежной стены стоят шифоньер и ещё одна койка. На противоположной стороне – два окна и между ними комод, но правое окно заложено кирпичом, заштукатурено и побелено. Наконец, по левую сторону от входа в комнату возвышается резной шкаф. Посередине помещения – стол. В углу висит большая икона. В этом доме в окружении бабы Фени и деда Ивана пройдёт моё детство с того момента, как меня в маленькой цинковой ванне привезли из соседнего города, где я родился, и лет до семи (в детский сад я никогда не ходил), пока окончательно не перееду в квартиру родителей в новом микрорайоне.

На второй этаж дома, туда, где находится наша квартира, ведёт довольно крутая лестница в один пролёт, с перилами, изъеденными червоточины. Сколько на ней ступеней? Точного ответа на этот вопрос нет, хотя я уже могу считать. Мне кажется, не менее тринадцати.

Используя лопату и топорик, дед тщательно чистит лестницу от снега и льда, чтобы легче было по ней подниматься, неся дрова или ведра с водой. На его руках – тёплые варежки из колючей овечьей шерсти. Перед подъёмом он снимает ведра с коромысла и дальше несёт их в руках, иначе первое ведро будет задевать ступени.

Наверху – небольшая лестничная площадка. Справа от нашего порога есть ещё одна дверь, в другую квартиру. Её хозяйева уехали навсегда, поэтому дверь заколотили. Наверняка и печь там разворочена железным ломом, то же произойдёт и с нашей печью, когда настанет время покинуть этот дом. Так что наше ближайшее соседство за стенкой – это промёрзшее и неизученное пространство, где, наверное, трудно дышать. Хорошее место для привидений. На этой же площадке натянуты верёвки, на которых сушится бельё. Над верёвками – лаз на чердак, а ещё выше перевёрнутым сердечком темнеет слуховое оконце. Оно выходит во двор, где лежат плиты на земле и теснится другой дом, в котором живут Катковы и Окамовы.

Соседи напротив могут видеть вывешенные на бельевых верёвках знаки: белая простыня – измена оловянных солдатиков, юбка – недостаток молока, мужские штаны – недостаток яиц. Когда нужно вызвать доктора Куркину, на широкие перила открытой лестничной площадки ставят мой горшок. У Катковых есть единственный на всю нашу улицу телефон. Его номер 50–15. Они звонят и просят кого надо.

С лестничной площадки я люблю пускать мыльные пузыри и бумажных голубей. Самые лучшие из них долетают до середины двора. Летом вдоль деревянных столбов, поддерживающих этот лестничный пролёт, густо разрастается хмель. Под пролётом в глубине навеса обнаруживаются входы в каморки наших соседей – к Буланцевым и Вьюговым.

Наш дом по адресу Старо-Ачинская, 11 и весь наш двор, вернее, его развалины, давно снесены. Но они продолжают жить в воображении моём и, возможно, других обитавших здесь людей, если, конечно, те ещё способны что-то помнить. Дом – живое существо со своей душой. Где поселяется эта душа, когда дом умирает? Иногда я вижу сон, будто стою перед высокими воротами в наш двор, но калитка крепко заперта. Доступа нет нигде, и я не знаю, как мне войти в этот покой тепла и света и услышать детства разговор. Может, попробовать написать вирши, которые откроют вход?

*Сломать железных строчек строй,
Уйти от образа любимой,
Пойти заброшенной тропой,
Где запах ветки тополиной.
Там радужные пузыри
Парят под лестницей высокой.
Там письма носят мизгири,
Лишь постукишь – стоят с ответом.
Там, в солнечном сплетенье ив,
Летит бумажная эскадра,
А плотик спичечный, как «Ра»,
Плывёт по ручейку бесстрашно.*

С последним словом калитка сама бесшумно открывается...

В марте начинает таять снег. Талая вода с улицы просачивается под запертые ворота и течёт через весь двор. Мой дедушка или кто-то из соседей прокапывает ручейку длинную канавку – до самого оврага. Интересно пустить какую-нибудь щепочку от ворот и проследить за ней на всём пути ручейка, иногда помогая этому маленькому кораблику, если он где-то застревает.

Постепенно, проталинка за проталинкой, двор освобождается от снега. Соседская девочка Таня Окамова, срывая первые цветки одуванчика и мать-и-мачехи, плетёт венок. Я беру его в руки, и жёлтая бахрома цветков медленно увядает.

Как-то я пошёл с дедом на Белое озеро за керосином. Там, на бесконечном берегу, есть похожий на гараж киоск цвета запёкшейся крови. В нём продают москательные товары, а рядом на маленькой скамейке сгорбился чистильщик обуви с набором разноцветного гуталина. Зачем дед хотел купить керосин, я не знаю, ведь у нас есть электричество. Видно, он боялся остаться без освещения, потому хранил керосиновую лампу. Помню, как один раз дед зажигал её, когда дома не было света.

Лампочки в нашем доме часто перегорают. Когда возвращается мой папа, его просят заменить лампочку или наладить электроплитку. Он работает на заводе и может сам скрутить спираль для плитки из нихромовой проволоки и положить где нужно асбест для изоляции. Мне ужасно интересно наблюдать, как он ремонтирует. Вот новая лампочка загорается, и это вызывает восхищение у бабушки с дедом. Ещё бы! Когда-то им приходилось жечь лучину. Посмотрите на историческое фото «Лампочка Ильича». Эта сцена очень похожа на то, что периодически творится в нашей квартире.

Каждый раз после еды дед и бабушка шепотью крестятся перед иконой, прикреплённой под самым потолком. На ней изображён босой старец с бородой. В левой руке он держит глобус, а перстами правой строго указывает, как будто грозит за невыученный урок географии. Мне нечего волноваться – моя география пока вмещается в наш двор и близлежащие улицы. Я как-то спросил у бабы с дедом, кто такой Бог и где он живёт. На что мне ответили, что так грех говорить. Это новое для меня слово. Сейчас бы я сказал, что мне же нечего греха таить...

Смеркается, и мой дед приносит из сеней дрова, складывает поленья ступенчатой пирамидой в печи, открывает поддувало и разжигает новый огонь. Потом прикуривает от ярко вспыхнувшей щепочки и жадно вбирает в лёгкие дым. Сидя на маленькой самодельной скамейке, он неспешно потягивает свою самокрутку, пока окурок не начинает жечь пальцы.

Прислонясь к дверному косяку, я сижу на лавке и бессмысленным взглядом смотрю на живое пламя в печи. Наконец мы укладываемся спать. С потолочной балки на изогнутой проводке свисает одна большая стосвечовая лампочка под оранжевым, но уже изрядно выцветшим кисейным абажуром. Дед в голубых кальсонах и поношенной байковой рубашке тянется к выключателю и говорит: «Ну, за-жмуряйся!». Я юркаю под одеяло в запах чистого постельного белья, и свет гаснет. Некоторое время ещё слышно благословляющее потрескивание поленьев. Потом всё погружается в сон.

Зимой по утрам в доме холодно. Вот кто-то открывает в сенях дверь, и в комнату проникает лёгкое студёное облако.

Я лежу в кровати под ватным одеялом, ожидая, пока дед снова не затопит печь и комната не прогреется.

*Мой двор на Ачинской живёт
в моём больном воображении.
Вот дед по лестнице несёт
вязанку дров на всесоужение.*

*Тем временем его внучок
играет в карты с бабой Линой.
Мой дед войдёт и на крючок
закроет дверь в сенях холодных.
Затопим печь, чай вскипятим
и выпьем мы его с малиной.*

Дед часто уезжает в деревню охотиться. До войны он был профессиональным охотником и сдавал государству пушнину. Но сейчас я ещё не знаю об этом, так как даже не могу понять, что такое государство. С охоты он приносит глухаря, зайца или иную дичь. Для ловли зайцев дед ставит в лесу петли всё из той же нихромовой проволоки. Заяц попадает в петлю и леденеет на морозе.

Один раз дед принёс окоченевшего зайца и пристроил его под новогодней ёлкой. Заяц там красовался рядом с Дедом Морозом, пока не оттаял, потом исчез. Видно, ёлка на самом деле была рождественской. В другой раз дед добыл незамёрзшего зайца, повесил его за перед-

ние лапы на кухне к потолку и стал потрошить. Это занятие отвлекло мою бабушку от мирских забот, и она брезгливо убежала из дома. А я остался, и мне было очень интересно. Дед вытаскивал внутренности, одни бросал в ведро, а другие – в большую чашку. Густые капли крови падали с рёбер зайца в таз, как зёрна граната.

После еды трубчатые кости зайца мы не выбрасываем. Дед делает из них манки на рябчиков. Умело пропиливает напильником треугольную дырочку в косточке и вставляет кусочек воска. На охоте дед свистит в такой манок, рябчики к нему слетаются со всего леса, и он их убивает. Манящая сила зайца действует, пока манок не теряется в густой траве.

На лице у деда медленно растёт жёсткая щетина, и я люблю её трогать. Раз в две недели он её сбривает. Это целый ритуал, который я хорошо изучил. Сначала дед берёт какую-то зелёную пасту и смазывает ею широкий ремень. Потом извлекает опасную бритву из картонных ножен (он прячет бритвы сверху на шифоньере, чтобы я не мог их достать) и долго водит ею плашмя по туго натянутому ремню, иногда проверяя остроту. Когда бритва наточена, кухонным ножом он срезает с хозяйственного мыла тонкие стружки в старую металлическую чашку (эта чашка у него используется, может быть, даже со времён мировой войны), добавляет туда воду, густо всё вспенивает помазком и покрывает лицо пеной. Наконец, искоса глядя в осколок зеркала неправильной формы и ловко орудуя лезвием, дед сбривает щетину, и сквозь оставшуюся пену кое-где проступает кровь. После бритья он залепляет порезы кусочками газеты и в таком виде снуёт по комнате, хитро улыбаясь и испуская бодрящий запах тройного одеколона.

Наш двор отгорожен от улицы высокими деревянными воротами с калиткой. Из калитки на уровне моих плеч свисает огромная железная чека. Чтобы войти, мне нужно взять это холодное кольцо обеими руками и, повернув его, со всей силы толкнуть калитку. Ворота же всё время закрыты. Их открывают разве что, когда привозят на зиму дрова. Как-то я участвовал в рубке дров, вернее, сам не рубил – мне было ещё мало лет, но, стоя на прогалине, ломал ветки у срубленных берёз на веники для бани. Сарай пристроен в конце крутого спуска, и машина не может к нему подъехать, поэтому дрова выгружают в верхней части двора, около погреба, пропахшего креозотом (этот запах напоминает о существовании неподалёку железнодорожных путей). Потом дедушка и папа рубят берёзовые чурки на поленья и сносят их в сарай и сени на хранение до зимы.

Сарай расположен как раз напротив дверей в квартиру Окамовых. К лету последняя поленница дров в сарае исчезает, и в нём можно играть и даже кидать в стены ножичек. Здесь приятно пахнет старыми опилками и берестой. В солнечный день пространство сарая (вы скажали «рая» или мне послышалось?) разрезается пучками света, которые мерцающими хрупкими веерами проникают сквозь щели. В сарае хранится чёрный ящик патефона и пластинки на 78 оборотов. Чтобы завести патефон, нужно несколько раз провернуть его рычаг, тогда диск с пластинкой начнёт вращаться.

В один из летних дней, разбирая в тени всякий хлам, я заинтересовался пластинкой с гербом Организации Объединённых Наций. К сожалению, игла на звуконосителе была сломана. Мы с соседской девочкой Таней Окамовой просили её родителей поставить новую иглу, но они не откликнулись на нашу просьбу. Видимо, им было неинтересно слушать старые пластинки или они просто откладывали счастье на будущее. Но мы всё равно ставили и продолжаем ставить пластинки и просто крутим их и крутим, и патефон играет как новый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.